

Авакян-Форер Армина Генриховна

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОИСКИ НОВЫХ ПОДХОДОВ

Статья посвящена проблеме применимости европоцентристской модели общественного развития в России. Оцениваются перспективы оригинальных нравственно-экономических учений в отечественной философской и научной мысли. Показано, что отвергаются прежние этические нормы и на смену предлагаются культ потребления и эгоизм. Автор устанавливает соотношение материальных и духовных факторов, влияющих на развитие современного российского общества, и указывает на необходимость создания собственной экономико-нравственной доктрины.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/5/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(79) С. 13-15. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 378.1

Философские науки

Статья посвящена проблеме применимости европоцентристской модели общественного развития в России. Оцениваются перспективы оригинальных нравственно-экономических учений в отечественной философской и научной мысли. Показано, что отвергаются прежние этические нормы и на смену предлагаются культ потребления и эгоизм. Автор устанавливает соотношение материальных и духовных факторов, влияющих на развитие современного российского общества, и указывает на необходимость создания собственной экономико-нравственной доктрины.

Ключевые слова и фразы: европоцентризм; протестантский капитализм; нравственность; экономика; постмодернизм; традиционное общество.

Авакян-Форер Армина Генриховна*Воронежский государственный университет**artminavr@mail.ru***НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ПОИСКИ НОВЫХ ПОДХОДОВ**

Отечественные и западные авторы в наши дни отмечают, что сегрегация экономической и нравственной мысли имеет ряд последствий, не всегда полезных для экономики и всегда пагубных для общества в целом. Это и учение британского исследователя Д. Ливена о кризисе общества [3], проистекающем из кризиса аристократии, и концепция отечественного автора С. Г. Кара-Мурзы о чужеродности для российского общества протестантского пиетета перед экономическим успехом любой ценой [1]. В данной работе мы проанализируем основные идеи современной отечественной нравственно-экономической мысли и обозначим основные её проблемы.

В 1970-1980 гг. большая часть советского общества попала под влияние идеологии евроцентризма (европоцентризма). Это социально-философское учение о том, что Запад – единственная цивилизация, полностью прошедшая в своем развитии тот путь, который неизбежно должны пройти все остальные культуры и цивилизации. В конце этого пути все человечество обретет одну и ту же «правильную» систему хозяйствования и общественного устройства, которая уже в данный момент существует в западных странах. В годы Перестройки евроцентризм негласно стал идейной основой официальной политики.

Возникает закономерный вопрос: применима ли евроцентристская доктрина в России? Не стоит забывать, что вся новоевропейская история представляет собой цепочку революций. Это «научная революция», Реформация, промышленная революция, серия политических революций XVII-XIX вв. и т.д. Отечественный исследователь С. Г. Кара-Мурза прямо полагает, что российские политические потрясения XX в. обусловлены чрезмерно близким знакомством с Западом: «Все острые кризисы в России последних двухсот лет зарождались и вызревали в той части общества, которая наиболее близко соприкасалась с западными идеями и образом мысли, была к ним наиболее восприимчива. Это естественно, так как именно в западном мироощущении утвердилась идея изменения через революцию, через слом старых структур, через свержения авторитетов. Соединяясь с мессианским, религиозным мироощущением русского человека... эти уравновешенные на Западе рациональностью идеи приобретали в России взрывчатую силу» [2, с. 13]. Российский кризис конца XX в. представляет собой очередной виток заимствованных потрясений, хотя, следует отметить, что ни одна из указанных выше революций не проходила безболезненно и для западных стран. Получается, что, подражая идейным и экономическим достижениям Западной Европы, вольно и невольно придётся перенять и их проблемы.

С. Г. Кара-Мурза обращает внимание на специфические российские особенности, которые не совместимы с европейским нравственно-экономическим опытом. Так, в своих работах он полагает, что отличительной российской чертой является этика религиозного братства [2]. В России в силу особенностей её истории люди связаны узами первичной солидарности, а не экономическими отношениями. Россия, по мысли исследователя, не изжила в себе традиционное общество. В нём господствует метафора семьи, а не метафора рынка. В силу ряда исторических обстоятельств выживание индивида могло быть обеспечено только кооперацией усилий в рамках соседской общины. Сельская соседская община была ответом русского общества на природные и, особенно, социальные вызовы окружающей среды. Поэтому в России невозможно было воспроизвести тот тип государственности, который был характерен для Западной Европы. Российское государство вынуждено было брать на себя функции, которые на Западе выполняло гражданское общество. Например, в условиях отсутствия морской торговли и под постоянной угрозой нападений кочевников невозможно представить функционирование городов-коммун, управляемых купеческим патрициатом. А ведь именно в таких городах зарождалось немецкое, чешское, итальянское и, особенно, французское гражданские общества. В России такие коммун были попросту невозможны. Поэтому российское государство принимало активное участие в развитии экономики, особенно в хозяйственных отраслях и в сфере производства. Отечественный исследователь Р. Л. Лившиц отмечает, что в целях выживания соседская община искусственно поддерживала в своих рядах относительное имущественное равенство: «Суровость природных условий

побуждала сельскую общину активно перераспределять скудный прибавочный продукт в пользу беднейших семей, дабы не допустить массовой пауперизации, губительной для общины в целом. Отсюда – тяга к уравнительности и отношению к справедливости, (а не к свободе) как к главной жизненной ценности. Этим же объясняется и неразвитость института частной собственности в нашей стране» [4, с. 118].

Это не означает, что российское общество в принципе не может ничему научиться у своих западных соседей и предложить им что-нибудь взамен. Например, французская литература (от Бомарше до Сартра) традиционно ценилась в России, а произведения Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского вдохновили французских экзистенциалистов. Увы, на протяжении Нового времени российские интеллигенты с европейским образованием пропагандировали идею о том, что Россию надо лечить от культурной самобытности (которая воспринималась как отсталость по сравнению с западным обществом), и такое «лечение» может проходить, в том числе, и насильственно. Радикальная интеллигенция и в XIX в., и в наши дни полагает, что нужна жесткая рука вождя, которая заставит общество коренным образом изменить стиль и образ жизни, то есть политическая власть может контролировать и направлять и экономическое, и духовное развитие. Например, представитель современного радикализма Э. В. Лимонов не признает характерной для социализма классовой теории и примата экономики над политикой. По его словам, достаточно неограниченной политической диктатуры, а пролетариат или буржуазия изменятся согласно приказу диктатора, равно как и тип принятой в стране хозяйственной деятельности: «Нужна диктатура энергичного тирана, который будет спать пять часов в сутки и, возглавив столь же непреклонных отобранных опричников, заставит население стать нацией героев – прямо ходящих, бодро смотрящих, исповедующих энергичную веру. Только так. А все эти жалкие бредни экономики – все это для старух и для населения богаделен. Тиран Пётр I ввёл такую экономику, какую считал нужной» [5, с. 242]. То есть Э. В. Лимонов полагает, что государственная власть может установить любой порядок росчерком пера или силовым давлением на общество. Здесь, конечно, никакой сугубо экономической этики быть не может. Но ведь Э. В. Лимонов в этом вопросе совсем не оригинален. Исследовавший русский радикализм С. И. Сулимов пишет: «Воззрения философа Э. В. Лимонова наследует народническую концепцию “людей будущего”, но вульгаризирует её» [8, с. 149]. В наши дни и в радикальном, и в либеральном лагерях присутствуют сторонники этого подхода, который не является евроцентристским, но отвергает и российское нравственное и экономическое своеобразие в пользу сиоминутных политических решений.

Говоря о заимствовании европейских нравственно-экономических учений, необходимо указывать конкретную эпоху, из которой предлагается заимствовать. Например, ставшая визитной карточкой протестантских стран капиталистическая «трудовая этика» в наши дни является реликтом даже на своей Родине – в Германии и Голландии. Современное европейское общество испытывает больший пиетет перед постмодернизмом, чем перед «отцами-основателями» или негодьями Ост-Индской компании. Ориентир ещё в 1960-е гг. с кальвинистского трудового обогащения сменился на паразитическое потребление как главную жизненную ценность. Для любого другого общества такой выбор был бы делом вкуса, но современный евро-американский Запад существует только благодаря протестантскому капитализму, и отказ от последнего будет означать быструю или медленную трансформацию. При любых результатах этой «перестройки» западные страны станут иными и вряд ли смогут соответствовать идеалам евроцентризма. Постмодерн отвергает протестантский капитализм. Это не новый виток социально-духовного развития, а его тупик. Ю. М. Осипов, аргументируя это более чем спорное утверждение, пишет, что все созданное человеком в эпоху постмодернизма оказалось вдруг бессодержательным и бессмысленным: «Постмодерн – закономерный исход Модерна, когда содержание и смыслы, шедшие единственно от Бога Творца и Природы, Им сотворенной (таким было идеальное представление человека), вдруг испарились под давлением демиургически действовавшего человека, а все, созданное человеком, при этом оказалось вдруг бессодержательным и бессмысленным. Человек построил свой собственный, по своему подобию и лекалу, мир, – и этот мир предстал перед изумленным человеком во всей своей странной пустоте, какой-то внешней, калейдоскопически мерцающей оболочкой, за которой нет уже никакой содержательной и смысловой ценности» [6, с. 799-800].

Таким образом, базирующееся на евроцентризме требование заимствовать западные этические нормы и экономические формы в наши дни архаично: это призыв перенять то, чего уже фактически нет. Но учиться популярному в современной Европе гедонизму постмодерна представляется весьма сомнительной необходимостью. Некоторые российские исследователи (Р. Л. Лившиц, С. Г. Кара-Мурза) рекомендуют не только отказ от потребительски-гедонистического принципа, но и создание нового типа жизнеустройства, прежде не существовавшего и ниоткуда не скопированного.

Каким, по мнению современных отечественных авторов, должно быть это общество будущего? В первую очередь, в его основе должно лежать первенство этических ценностей над ценностями материальными, ценностей творчества над ценностями потребления. Относительно нравственности и культуры экономика должна занять подчиненное, но не второстепенное положение. Ведь она является производной от духовного и интеллектуального состояния людей. В условиях экономической нестабильности интеллектуальный потенциал не реализуется, а духовность вынуждена ежедневно противостоять звериному инстинкту выживания. Но если экономику поставить во главу угла, исходя из того, что материальные потребности людей крайне важны, то экономика вполне может деформировать человеческую природу (например, бесконтрольная реклама формирует излишние, прежде не существовавшие потребности). Такое общество с необходимостью станет либо копией Англии эпохи «дикого» капитализма (понимаемого как стремление к бесконечному накоплению), либо проникнется гедонистическими настроениями постмодерна.

Безусловно, чтобы перейти новое ментальное пространство, строить нравственную экономику, нужны усилия всего общества, усилия не только духовные, но и материально-практические. Отечественный исследователь А. К. Попов пишет по этому вопросу: «Сейчас нам нужны свои российские адамы смиты, которые смогут, исходя из русской национально-религиозной традиции, подойти к формированию основ экономической теории не только как политэкономы, не только как экономисты или математики, но и как философы» [7, с. 623]. Если на Западе спор о связи этики и экономики угасает, то в России он только начинается.

Актуализация данной проблемы связана с теми драматическими переменами, которые произошли в нашей стране в последние десятилетия. Каким бы ни было отношение к советскому периоду России – бездумно-апологетическим или тотально-нигилистическим, нельзя не признать, что Россия XX в. – особый тип цивилизации. Этот тип резко отличается от того порядка вещей, который считался и считается естественным для Запада. Советская идеология изначально носила интернациональный характер и не отмежевывалась от западной культуры. Не стоит забывать о том, что марксизм возник именно на Западе. Но всё равно советский образ жизни разительно отличался как от европейского, так и от американского. Сейчас, когда Советский Союз является достоянием истории, все более очевидно, что в то время потребление, равно как бесконечное накопление, не было и не могло быть смыслом жизни индивида. Люди вдохновлялись целями, выходящими за рамки их индивидуального бытия. Во многом такие цели носили декларативный и пропагандистский характер, но открыто никем не осмеивались и не отвергались. Советский тип общества был ближе к традиционным российским образцам (которые он постоянно отвергал), чем к западному обществу, с которому он противостоял, но идеологическим достижением которого (марксизмом) вдохновлялся. Разрушение даже реального, не соответствующего марксистским стандартам социализма нанесло удар по ценностной сфере российского общества хотя бы в том смысле, что открыло путь безудержной пропаганде западного образа жизни (например, в рамках доктрины консюмеризма). Сложившиеся в советский период представления о добре и зле, прекрасном и безобразном, истинном и ложном подвергаются критике и осмеянию. И беда не в том, что прежние этические нормы отвергаются (с течением времени это неизбежно происходит), а в том, что им на смену предлагаются культ потребления и эгоизм, уже скомпрометировавшие себя в западных странах. Отказ от советского коммунизма оказался не возвратом к дореволюционному, религиозно-патриархальному видению мира, а дополнительным ударом по тем его остаткам, которые коммунизм не уничтожил.

Подводя итоги, придётся сделать неутешительный вывод: евроцентризм не может быть для современного общества ориентиром, но оригинального нравственно-экономического учения в России на данный момент нет. Западная культура не предложит России современный аналог марксизма, потому что сама отходит от собственных вековых догм: протестантизма и капитализма. И теперь российскому обществу и, в первую очередь, его мыслителям придётся создать собственную доктрину. Возможно, однажды это учение станет популярным даже на пережившем постмодернизм Западе, но пока даже его контуры весьма расплывчаты. Остаётся надеяться, что переосмысление традиционного и советского экономико-нравственного опыта даст достаточно материала для создания такого учения.

Список источников

1. Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. М.: Академический проект, 2009. 380 с.
2. Кара-Мурза С. Г. Евроцентризм как эдипов комплекс интеллигенции. М.: Алгоритм, 2002. 256 с.
3. Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815-1914. СПб.: Академический проект, 2000. 364 с.
4. Лившиц Р. Л. Духовность и бездуховность личности. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1997. 152 с.
5. Лимонов Э. В. Анатомия героя. Смоленск: Русич, 1998. 480 с.
6. Осипов Ю. М. Глобальное и национальное в экономике // Антология современной философии хозяйства: в 2-х т. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова и др.; под ред. Ю. М. Осипова. М.: Магистр, 2010. Т. 1. 832 с.
7. Попов А. К. На путях к православной философии хозяйства // Экономическая теория на пороге XXI века / ред. Ю. М. Осипов. М.: Юрист, 1998. 768 с.
8. Сулимов С. И., Востриков И. В. Эволюция ценностных установок в мировоззрении русской радикальной интеллигенции. Воронеж: ВГУИТ, 2012. 170 с.

MORAL FOUNDATIONS OF ECONOMICS OF MODERN RUSSIA: SEARCH FOR NEW APPROACHES

Avakyan-Forer Armina Genrikhovna

*Voronezh State University
arminavr@mail.ru*

The article is devoted to the problem of applicability of the Eurocentric model of social development in Russia. Prospects of original moral and economic teachings in domestic philosophical and scientific thought are evaluated. It is shown that previous ethical norms are rejected and instead the cult of consumption and selfishness are proposed. The author establishes correlation of material and spiritual factors influencing development of the modern Russian society and points to the need of creating its own economic and moral doctrine.

Key words and phrases: Eurocentrism; Protestant capitalism; moral; economics; post-modernism; traditional society.